

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК

Арсений Замостьянов

- *трактовки истории* • *Победа*
- *фальсификации истории* • *историческая правда*

75

лет назад закончилась самая тяжелая и кровопролитная война в истории нашей страны, в истории человечества. Это долгий срок. Но за это время наша память о Великой Отечественной не померкла. А во многом — стала острее и актуальнее.

О героях, спасших мир от коричневой чумы, мы вспоминаем не только в праздничные и юбилейные дни. Они каждый день служат для нас образцами мужества, честности, непреклонной стойкости и терпения. Каждый боец — от рядового до маршала, каждый работник тыла — от рабочего до наркома — все они были слагаемыми Великой Победы.

Для каждого гражданина нашей страны Победа в Великой Отечественной войне — это святыня, непреходящая духовная ценность, которая объединяет все поколения наших соотечественников.

Слава и боль той войны по-прежнему живёт в каждом из нас. И это не только историческая память поколений. Это наш идейный фундамент. Это подвиг, без которого невозможно представить и современную Россию. Ведь все мы — наследники Победы и ваши наследники. И мы не забываем об этом. Поэтому день 9 мая с годами становится всё более важным праздником для каждого гражданина России. Это день, когда каждый из нас ощущает свою преемственность со славным прошлым.

Считалось, что главными радетелями за День Победы, за повышение его статуса, были два писателя — Кон-

стантин Симонов и Сергей Смирнов. В первый год правления тандема Брежнев — Косыгин они были настоящими властителями дум. Сергей Сергеевич Смирнов, закончивший войну в звании капитана, для многих открыл подвиг Брестской крепости. В те годы его радиопередач о солдатах старались не пропускать. Писатели требовали вернуть народу полноценный праздник — красный день календаря.

Но и «Леонид Ильич лично» считал новое отношение ко Дню Победы своим политическим коньком. О том, что 20-летие Победы будет праздноваться широко, он заявил ещё в декабре 1964 г., то есть буквально через несколько недель после своего «воцарения». Брежнев питал к своим армейским воспоминаниям сентиментальные чувства. Потом эту «слабость» стали использовать безмерно, слишком часто вспоминая о Малой Земле, десант на которую и впрямь был великим подвигом, но переборы в пропаганде недопустимы. Впрочем, властям предержавшим всегда не хватает вкуса. И нужно уметь отделять зерна от плевел, чтобы не впасть ни в снобизм, ни в уныние. Чтобы за деревьями и транспарантами леса не потерять.

Есть такой стереотип: мол, в брежневское время наша страна и ее политическая система окончательно обмещанились и напроочь упустили «идеологическую работу». Но не стоит игнорировать феномен «Дня Победы», отношения к Великой Отечественной и к фронтовикам-победителям. Эта культура сформировалась именно в брежневские годы. И это — достижение неоспоримое.

Наденьте ордена!

Что же произошло 9 мая 1965 года?

Дело не в том, что у страны появился новый выходной день, украшенный красными флагами и изображениями орденов.

*Знамя Победы
на Красной площади.
9 мая 1965 года.*

Фото С.И. Смирнова

Впервые за много лет в этот день на Красной площади состоялся парад. В первый и в последний раз по её брусчатке пронесли настоящее Знамя Победы. Все встали в строй. Постаревшие маршалы, еще энергичные всем известные герои войны — такие как Иван Кожедуб, Александр Покрышкин, Михаил Егоров, Мелитон Кантария — долго можно продолжать этот список. Миллионы бывалых фронтовиков — как правило, они выглядели старше своих лет, но в 1965 г. на них в стране еще держалось многое.

И фронтовики — это встречается во многих воспоминаниях — сразу приосанились, сразу почувствовали себя необходимыми. Многие ощутили, что приняли участие в грандиозном историческом свершении — не уступающем по масштабу Октябрьской революции, на которую тогда молились. И все цветы в этот день принадлежали им. И скромные подарки — часы, радиоприемники. И юбилейные медали. Фронтовиков приглашали в школы — рассказывать о войне. Так складывался канон всенародной святости. Осознать ее значение за первые двадцать лет, наверное, было невозможно: страну восстанавливали из руин, было не до исторических рефлексий. А в 1965 они оказались важнее всего.

«Фронтовики, наденьте ордена!» — этот призыв того времени означал многое. Расправьте плечи, вспомните, что вы — победители. А дальше можно сыпать высокопарной риторикой: спасли мир, заслонили собой, водрузили... И всё это будет правдой.

Вокруг праздника зарождалась своеобразная культура — народная, официальная, триумфальная,

горькая, бескорыстная и коммерческая. Много у неё оттенков.

Часто звучали написанные за несколько лет до того стихи поэта-фронтовика Сергея Орлова:

*Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.*

*Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.*

Здесь не было примитивного «заказа». Эти стихи, как и многие книги, картины появились без отмашки со Старой площади или из Кремля. Потребность в осмыслении Победы выше любого заказа.

Сейчас эти стихи снова и снова звучат — ведь они почти о нашем времени. Последний маршал Советского Союза, познавший Великую Отечественную в окопах — Дмитрий Язов, — умер совсем недавно.

Через десять лет у праздника появился гимн — песня на стихи фронтовика Владимира Харитонova, которую в бодром ритме написал молодой и подозрительно модный в ту пору композитор Давид Тухманов.

Харитонов был мастером плакатной песни. На всех партийных съездах исполнялся его «Марш коммунистических бригад». Писал он и простенькие танцевальные шлягеры о любви: дело прият-

ное и денежное. Но «День Победы» стал песней особенной. Там точно найдена формула этого праздника — не войны, не ее последних дней, а именно праздника, ставшего традиционным. «Радость со слезами на глазах» — проще и точнее уже не скажешь. Это сквозило в репортажах Вишневого, Эренбурга... А Харитонов нашел поэтическую строчку.

Но фронтовики, воспитанные на Утесове, Шульженко и хоре Пятницкого, приняли новую песню не сразу. В дневниках тех лет нередко можно встретить разочарование: снова концерт, посвященный Победе, и снова новые песни, не имеющие никакого отношения к войне... На фронте пели другое. Первым песню Тухманова исполнил саратовский баритон Леонид Сметанников на «Голубом огоньке», посвященном 30-летию Победы. И прошла она без оваций. Существует миф о некоем запрете этой «слишком легкомысленной» песенки, которая, дескать, принижает Великую Победу. Запрет — слово слишком громкое. Просто несколько месяцев песня не входила «в обиход». А потом, в ноябре, на концерте, посвященном Дню милиции, её исполнил Лев Лещенко. Он и раскрыл ее обаяние. С тех пор и на много лет песня стала сверхпопулярной и в СССР, и в некоторых странах социалистического содружества. И фронтовики признали её.

Горячий снег

Главным кинофильмом праздника стала эпопея фронтовика Юрия Озерова «Освобождение». Хотя бы потому, что там имеется эффектная сцена празднования победы в освобожденном Берлине. Но почти все главные герои фильма — бойцы и командиры — погибли. В этом Озеров выдержал трагическую правду войны. И сцена дня Победы в Берлине получилась не только размашистая, но и щемящая: все поют, танцуют, радостно палат в небо, а девушка ищет своего любимого — настоящего офицера, за подвигами которого мы следили на протяжении нескольких серий. И командир танкового экипажа ищет своего сержанта Скловского. Ищет и не находит...

Соавтором сценария «Освобождения» был Юрий Бондарев — один из столпов советской «лейтенантской прозы». Войну он начал под Сталинградом — в том самом противостоянии, которому

посвятил, быть может, лучшую свою книгу — «Горячий снег». Прошел он и битву за Днепр, о которой рассказал в повести «Батальоны просят огня». Две медали «За отвагу».

В своих фронтовых книгах Бондарев всегда не сторонник принципа «мы за цену не постоим». Горячий снег — его любимый образ и он — о противоестественности войны. Он увлечен ценностями старой интеллигенции и даже — отчасти — толстовством. Да, Бондарев не любит войну, ненавидит хамство и жестокость, которые проявляются в дни наступления. Но и восторг, хмель победы ему не чужд. Он любил Толстого, но был настоящим воином по духу — редкое сочетание. Позволю себе лишь одну цитату: «Под Сталинградом закончилась моя юность. На войне мы прошли через все круги ада и были уверены, что видели в жизни всё, что ничто нас уже не сможет удивить. В 1944—1945 годах мы воевали, не сомневаясь в победе. Мы уже чувствовали себя людьми, которые совершили то, что положено: защитили свой дом, своё детство. И ощущение этой русской дерзости и силы оставалось и в послевоенные годы. Это не означает, что не было трагедий, что победы давались легко. Однако я чувствовал себя счастливым. Конечно, война — это трагедия, но она раскрывает лучшие качества человека. Правда, и худшие тоже...» Это — Бондарев.

Бондарев придал эпопее человечности, вкрапывая туда сюжеты из своих повестей. А для него работа над «Освобождением» стала опытом общения с маршалами. Беседуя с ними, он познавал войну с высоты птичьего полета. Для него — окопника — в этом было особое наслаждение. И это ощущается в фильме: в нём есть азарт! Озеров потом еще не раз снимал многосерийные кинофильмы о войне, но повторить дух «Освобождения» не удалось. Как не повторяется хмель Победы...

К концу перестройки пресса превратила Бондарева в пугало сталинизма. А всё потому, что на 19 партконференции он сравнил нашу страну с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. Что уж говорить, прав оказался скептик-фронтовик. Можно радоваться или огорчаться исходу перестройки, но то, что самолет не последовал по курсу «архитектора перестройки», — это бесспорно.

Писателя не стало совсем недавно, не дожил он до «карантинного» 9 мая.

Личный праздник

Так возник наш самый главный, самый любимый государственный праздник. Второго такого «настоящего» календарного праздника нет и, наверное, уже не будет. Он связан с судьбой каждой семьи, с зернистыми, потускневшими фотографиями, которые хранятся в наших старых альбомах. Тут дело не только в феномене Бессмертного полка, который не мог бы состояться в связи с любой другой датой. Наверное, он сравним с пасхальными праздниками в Москве XVII века, когда люди с головой уходили в церковную жизнь. Слишком многое навсегда пересеклось в этом майском дне. Об одних салютах Победы можно сочинить поэму или трактат! Ведь начало им было положено 5 августа 1943 г., когда Красная армия освободила Орёл и Белгород. Тогда-то и началось Освобождение — как в песне: «С боем взяли мы Орёл, город весь прошли и последней улицы название прочли...» Как много мы бы потеряли, если бы не было этого праздника, этой традиции, наработанной и в первые послевоенные годы, и после 1965-го.

Накануне 50-летия Победы, в 1994 г. в прессе и «в верхах» шла дискуссия — стоит ли широко отмечать праздник, тесно связанный с советской идеологией и символикой? Быть может, имеет смысл сменить знамена — как это сделали в Прибалтике? Но даже тогда, на взлете запальчивой молодой демократии, принять этот вариант и потерять День Победы было невозможно. И его отмечали, как положено. Разве что в монументе на Поклонной горе Зураб Церетели не нашел места для солдата. Ангел с трубой — это слишком универсальный образ. И фальшивый. Сегодня он мало у кого ассоциируется с Днём Победы. А что такое Россия без той Победы? Без Победы как идеи терпения, преодоления и триумфа?

Уверен, в ближайшие годы на День Победы обрушится немало софистической критики. Слишком важен для нас этот праздник, чтобы его не превратили в мишень. Появилось даже словечко: «победобесие». Инквизиторский термин. Но — не получилось в 1995 г., не получится и сегодня.

А что еще нас объединяет? В том числе — с прошлым и будущим страны? Крепче и правдивее Победы ничего не было. И, как показали попытки конструирования других праздников, — вряд ли будет.

Фронтовиков среди нас всё меньше. Но этот день всегда будет принадлежать тем, кто прошёл войну. Их святым могилам, их скромным монументам. Их знаменам. Образ солдата-освободителя в развешиваемой плащ-палатке — что может быть благороднее и сердечнее? В этом празднике каждый сможет найти что-то важное для себя лично. И в то же время он — государственный, всеобщий. И бессмертный. Как счастливые солдаты мая 1945 г., шагающие где-то в нашем воображении. Среди них — наши деды. И павшие, и живые. Все — наяву.

Дипломатический лабиринт

За фанфарами праздника мы не должны забывать о том образе Второй мировой войны, который сейчас возобладал в умах на Западе. Как только ушло поколение свидетелей тех событий — идеологи тут же запустили новую версию мирового противостояния. И России в ней отведена роль незавидная. И значит, нам придется отстаивать историческую правду, придется касаться острых проблем и противоречивых трактовок.

В наше время историки и политики — в особенности западные — крайне редко вспоминают о том, как называлось самое фундаментальное международное соглашение нацистской Германии. А ведь само его наименование весьма красноречиво — Антикоминтерновский пакт. Его заключили Германия и Япония 25 ноября 1936 г. с целью «обороны от коммунизма». То есть — от Советского Союза, от кого же еще.

Через год к пакту присоединилась муссолиниевская Италия. В 1939 г. — хортистская Венгрия, Маньчжоу-Го и испанское правительство генерала Франсиско Франко. Велись переговоры с Турцией. Таким образом, формировался широкий фронт против Москвы — от Дальнего Востока до южных рубежей старой Европы. У этого пакта имела военная составляющая. На нее прежде всего уповали японцы, вступившие в затяжное противостояние с Советским Союзом в Монголии, Маньчжурии, да и в целом в Китае. Но для Гитлера это был, главным образом, идеологический документ. Прообраз будущего «коричневого мира», в котором не будет места для евреев, большевиков, да и для восточных славян, признанных унтерменшами низшего класса. К западным славянам с их

«примесью арийской крови» фюрер относился несколько более снисходительно и считал их частью германской цивилизации.

Пристань антифашизма

Советский Союз в то время был единственной в мире страной, в которой на государственном уровне поддерживался антифашизм. Издавались книги антинацистского содержания — в том числе немецких и чешских авторов. В 1936 г. вышел на всесоюзный экран художественный фильм «Профессор Мамлок». Пожалуй, первый масштабный антигитлеровский фильм. Его сняли на киностудии «Ленфильм» режиссёры Адольф Минкин и Герберт Раппапорт по одноимённой пьесе Фридриха Вольфа. Раппапорт — австрийский еврей по происхождению — переехал в СССР незадолго до начала съёмок фильма. И остался в нашей стране навсегда, сняв множество популярных кинолент.

Вольф — немецкий еврей, да ещё и член коммунистической партии — переехал в СССР в 1934-м. Не прекращал борьбу против гитлеровского режима. Сразу после Победы он вернулся на Родину. Их фильм вошел в классику антифашистского кино.

Столкновение с фашизмом казалось неизбежным. На этой идее воспитывалось предвоенное поколение. Те комсомольцы тридцатых годов, которые первыми погибли в 1941-м. Николай Островский — прикованный к постели писатель, культовая фигура для Советского Союза того времени — писал: «Мы знаем, что когда на наши границы ступит подлая нога фашистских бандитов, страна встанет и страшным ударом ответит на удар и сокрушит каждого, кто посмеет посягнуть на священные рубежи».

Тем временем страны Европы одна за другой протягивали руки нацистским дипломатам. В январе 1934 г. Польша и Германия заключили масштабный договор, который можно было бы назвать «пактом Гитлера и Пилсудского». Кроме Польши к началу 1938 г. «пакты» с нацистской Германией подписали Франция, Дания, Латвия, Литва и Эстония. По существу, только Советский Союз полностью избегал политических контактов с Германией на высоком уровне.

Несостоявшаяся коалиция

Тем временем Германия переходила от лозунгов к делам. В апреле 1939 г. Гитлер принял окончательное решение в скором времени напасть на Польшу. Об этих планах знали и в Лондоне, и в Москве.

В 1939 году Москва ещё раз попыталась переломить тенденцию и склонить Европу к политике «коллективной безопасности», по существу — к совместной борьбе против нацизма. В начале марта наркоминдел Литвинов через советского посла в Лондоне предложил подготовить конференцию шести стран — СССР, Англии, Франции, Румынии, Польши и Турции. Москва была готова принять эту конференцию. Но настроенность британцев перед «большевиками» оказалась сильнее: англичане дали понять, что считают такую встречу преждевременной. Не хотелось нервировать берлинского фюрера...

Остановить Гитлера и его военную машину могли только англофранкосоветские переговоры, начавшиеся в Москве летом 1939 г. Эти три державы располагали достаточными силами, чтобы даже демонстрационные операции заставили Гитлера воздержаться от польского похода.

Только после начала совещаний между представителями трех держав выяснилось, что руководители английской и французской делегаций не имели полномочий заключать военных союзов с Москвой. Политические переговоры сравнительно быстро сорвались по вине наших партнёров. Да и Польша относилась к восточному соседу с недоверием. И, например, не собиралась давать зеленый свет Красной армии для продвижения по своей территории. Отчасти — потому, что восточные территории Польского государства были спорными. До Гражданской войны они относились к России, проживали там, главным образом, белорусы — притесняемое в Польше православное меньшинство.

Важен и восточный фактор, который не всегда учитывается при анализе переговоров 1939 г. К тому времени Советский Союз уже вел войну — и достаточно крупного масштаба — с союзниками Гитлера, японцами, на Халхин-Голе. И перед Москвой стояла задача не допустить войну на два фронта, весьма обременительную даже для таких держав, как Советский Союз. Не будем забывать,

что боевые действия против Монголии и Советского Союза (да и против Китая) милитаристская Япония вела при поддержке гитлеровской Германии. Другим внешнеполитическим фоном переговоров было поражение испанских республиканцев и победа генерала Франко в Испании, усилившая позиции Гитлера в Европе.

В итоге в августе 1939 г. в Москве состоялись переговоры между делегациями военных трех стран — Советского Союза, Великобритании и Франции. Председательствовал нарком обороны Климент Ворошилов, получивший подробные инструкции от Сталина. Советские специалисты (такие как «гений генштаба», будущий маршал Борис Шапошников) представили подробные расклады участия разных родов войск в будущей войне против Германии и Италии за Польшу и Румынию.

Камнем преткновения стало несогласие Польши и Румынии впускать на свою территорию части Красной армии. Они опасались «влияния большевиков на местное крестьянство». Но без таких походов действовать против Германии и Италии Советский Союз не мог: он не имел общих границ с этими странами.

Но еще более веской причиной провала англо-франкосоветских переговоров стал общий настрой посланцев Лондона и Парижа. Ворошилов, по существу, высказал предложения по созданию первой Антигитлеровской коалиции. Если бы она была создана — Советскому Союзу не пришлось бы искать контактов с гитлеровской Германией. Но позиция Лондону и Парижа грозила Москве полной изоляцией и уязвимостью перед усиливавшейся Германией... Свой интерес в установлении связей с Советским Союзом имела и Германия. Именно немцы первыми по неофициальным каналам стали зондировать в Москве почву для будущих переговоров... Убедившись в неконструктивной позиции англичан и французов, соратники Сталина были вынуждены принять знаки внимания Третьего Рейха.

Договор сквозь отвращение

Подготовительный период прошёл в ускоренном режиме — и 23 августа министр иностранных дел Германии фон Риббентроп прибыл в Москву. Кстати, его самолет по ошибке был обстрелян

советскими зенитчиками. Но дипломаты не стали обращать внимания на такое недоразумение.

Это было сближение со взаимной плохо скрываемой ненавистью. Немцы не отменяли своих принципиальных идеологических постулатов об уничтожении большевизма. Советские идеологи не отказывались от интернационализма. «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным», — справедливо заметил Уинстон Черчилль.

Для Японии московское рукопожатие Молотова и Риббентропа стало ударом в спину: их союзник — Германия — подписал договор с главным противником — Советской Россией. Доверие Токио к Гитлеру подорвалось. Это сказалось и в годы Великой Отечественной, когда Япония так и не решилась открыть дальневосточный фронт против СССР, хотя сторонников такого вторжения в «стране самураев» было немало. Японцы не доверяли немцам — и в этом одно из главных последствий советско-германского договора.

На Западе так называемый пакт Молотова и Риббентропа всё чаще называют «заговором двух диктаторов с целью раздела Европы». В 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла скандальное, крайне необъективное постановление о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны. Так рассуждать можно только, не учитывая контекста всей предшествующей европейской внешней политики.

Во-первых, безусловно, этот договор не был военным союзом, направленным против кого-либо. Во-вторых, Сталин и новый советский нарком иностранных дел Вячеслав Молотов не сомневались, что Гитлер вот-вот проглотит Польшу. Франция и Британия не пожелали вести в конструктивной манере переговоры с Советским Союзом. В такой ситуации трудно даже вообразить более сильный ход, чем тактически важный контакт с Берлином.

О чём же они договорились? Во-первых, страны приняли на себя обязательства воздерживаться от агрессии в отношении друг друга и не вступать во враждебные военные союзы.

Договор подписывался на десять лет, хотя вряд ли кто-то из переговорщиков верил, что столь долгий срок будет соблюден.

Особый интерес историков и политиков вызывает «секретный протокол», обнародованный только в конце 1980-х. Там державы разграничили собственные «сферы интересов» в «случае территориально-политического переустройства». Именно в результате этих соглашений Прибалтика попала в сферу интереса Советского Союза, а Вильнюс, входивший в состав Польши, предполагалось присоединить к Литве...

Так начиналась война...

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Для полного завоевания этой страны вермахту хватило одного месяца и пяти дней. Надо ли разъяснять, что ни Франция, ни Великобритания не оказали Варшаве никакой военной поддержки?

Кого обвинять в этой агрессии? В первую очередь — нацистскую Германию и ее сателлитов. Во вторую — англичан и французов, отказавшихся от предложений Советского Союза по созданию антигитлеровской коалиции. Договор о ненападении между СССР и Германией стал последним и вынужденным для Москвы актом в этом длинном ряду роковых ошибок, приведших Европу ко Второй мировой войне.

Да, после заключения Договора атмосфера в нашей стране и в армии изменилась. Резко изменились установки пропаганды. Главными «врагами» отныне стали империалистическая Англия и «панская» Польша. Советский Союз, Словакия и Литва, по договоренности с Германией, мирно заняли бывшие спорные территории Польши. Между прочим, эта акция спасла от уничтожения десятки тысяч евреев и коммунистов...

Интеллектуальная атмосфера в СССР изменилась — почти на два года. Отныне о Германии советские пропагандисты отныне предпочитали говорить в нейтральных тонах. Миллионы патриотов страны почувствовали себя если не обманутыми, то дезориентированными. Политработникам приходилось прибегать к цветистой риторике, чтобы разъяснить гражданам сложную диалектику сложившегося момента...

Никто не относился к гитлеровцам как к союзникам, тем более — как к единомышленникам. Слишком уж различались идеологии. А для таких государств, как СССР и Третий Рейх, идеологи-

ческая основа первостепенна. Подспудно Красная армия всё равно готовилась к войне в Европе, то есть — к войне против Германии, которая приблизилась к границе Союза. Считалось, что в августе 1939 г. дипломатам удалось добиться передышки, отложив для нашей страны большую войну почти на два года. За эти два года военная промышленность в СССР развивалась опережающими темпами. Армия перевооружалась. Всё это не спасло страну от трагедии лета 1941 г. Но, по мнению многих историков и политиков, и Победой 1945 г. мы во многом обязаны той скользкой дипломатии 1939 г...

Что же до логики советского правительства — Иосиф Сталин даже после начала Великой Отечественной, в самые чёрные дни для нашей страны дни войны объяснял ее так: «Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп».

В стратегической игре каждая из держав стремилась переиграть своего визави. Тактические победы имелись и у Берлина, и у Москвы. Но следует признать, что первые шесть лет активных действий Гитлера в мировой политике стали его триумфом. И ему до поры до времени удавалось заставлять Европу играть по своим правилам.

Блицкриг Третьего Рейха

С первых послевоенных лет Европа сторонится правды о Второй мировой войне. И даже не потому, что это, если говорить о первой половине войны, — перечень относительно лёгких побед Третьего Рейха и катастрофических поражений всех остальных европейских армий. А потому, что война для них в реальности была торжеством коллаборационизма. А Сопротивление играло роль весьма скромную и в основном было связано с нелегальными стараниями двух стран, двух разведок — Англии и Советского Союза. И в значительной степени было связано с коммунистическим подпольем. Об этом сегодня вспоминать не принято.

И многое здесь связано с идеологией германского нацизма. С их отношением к арийскому миру и к

унтерменшам. Самый жесткий режим оккупации был установлен в Советском Союзе, на оккупированной территории РСФСР, Украины и Белоруссии, жесткий — в Польше и Сербии. Во-первых — потому, что в этих странах оказалось меньше коллаборационистов и больше сторонников независимости. Во-вторых — потому, что гитлеровские идеологи считали именно эти славянские народы низшими по иерархии. К западным славянам — к тем же чехам — относились несколько снисходительнее. Считалось, что они напитались духом арийского мира, отчасти смешались с ним этнически.

Современные европейцы предпочитают притворно удивляться той легкости, с которой Гитлеру удалось захватить полконтинента и еще треть Европы превратить в своих сателлитов. Важную роль сыграла популярность нацистской идеологии — в той или иной форме. Не менее действенным фактором оказалась память об ужасах Первой мировой. Народы Европы стремились любой ценой избежать войны, жертв и жесткого режима оккупации. Сказалась и окончательная победа потребительской идеологии, сравнительно высокий уровень жизни, которым не хотелось рисковать. Комфортное бесчестие лучше смертельной схватки... Такой выбор сделала вся Западная Европа — за исключением Англии, у которой, впрочем, было географическое преимущество — пролив, который немцы так и не смогли преодолеть.

Коллаборационизм был решающим фактором гитлеровской гегемонии. Без массового движения пособников нацизма немцам не удалось бы несколько лет держать в повиновении огромную территорию в условиях изнурительной войны далеко на Востоке.

Триумф воли

Сломив сопротивление Польской армии, немцы продолжили добиваться всевропейской гегемонии. Для завоевания Дании хватило нескольких часов. Бельгийская операция вермахта длилась чуть больше двух недель, хотя на этот раз воевать им пришлось и против французов, и против англичан. Экономически мощная Голландия перешла в руки завоевателей за пять дней. Вскоре в этой 9-миллионной стране нашлось около 100 тысяч

добровольцев, готовых нести службу в поднемецких полицейских подразделениях.

Самое сильное впечатление на весь мир оказало быстрое завоевание Франции — страны, которую считали великой военной державой. Чтобы сломить сопротивление Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Франции, немцам хватило шести недель.

14 июля 1940 г. немцы вступили в Париж. Продолжать войну Франция не могла. Она была сломлена. 2 июня в Компьенском лесу было подписано франко-германское соглашение о перемирии, по которому Франция была разделена на оккупированную и «автономную». Последняя, со столицей в городе Виши, возглавляемая генералом Анри Петтенном, политически полностью зависела от Берлина. Режим Виши полностью следовал гитлеровской бесчеловечной политике в отношении евреев, цыган, коммунистов. Они поставляли в Германию продовольствие и технику. Приведем и такой пример: не стеснялись прекрасно зарабатывать на поставках вермахту французские виноделы... И, конечно, не одни они.

Цена германского завоевания Франции оказалась на удивление низкой: 27 тыс. человек убитыми, 111 тыс. ранеными и еще 18 тыс. пропавшими без вести.

Так едва ли не вся Европа стала для Гитлера базой для мобилизации и снабжения. Танки, горючее, хлеб, грузовики, автомобили — всё шло вермахту. При этом, надо признать, что полностью использовать экономические возможности Европы в военных условиях Гитлеру не удалось: на это попросту не хватило немецкой бюрократии, а местным администраторам «сверхчеловеки» не доверяли.

Сопротивление и коллаборация

Совсем другая война началась после 22 июня 1941 г. По-настоящему народным Сопротивлением стало только в трёх странах — в Советском Союзе, в Польше и Сербии (всю Югославию называть в этом смысле было бы ошибкой). К этому списку можно добавить несломленную Великобританию, но её землю немецкий сапог не топтал. Только в этих странах существовало в той или иной форме партизанское движение, только

народы этих стран массово были готовы отдавать жизни ради независимости своего государства.

Честь Франции, как известно, спасли генерал Шарль де Голль, немногочисленные герои Сопротивления и летчики эскадрильи «Нормандия — Неман», но масштабы коллаборационизма в стране Наполеона и Бальзака удручают. Пронацистские власти оставались достаточно популярными во Франции вплоть до перелома в войне — то есть вплоть до Сталинграда. И только, когда Красная армия подходила к Берлину, вся Франция оказалась повально антифашистской...

Это особенно удручает при сравнении с галльской доблестью, проявленной в Первой мировой, когда французы сражались с немцами не на жизнь, а на смерть, выдерживая напряжение масштабных битв. Именно поэтому Вторая мировая во Франции остается, по существу, фигурой умолчания: гордиться нечем — лучше уж задвинуть эту историческую драму на обочину национального сознания. Лучше уж забыть, например, о том, что все полицейские части, оказавшиеся на территории, оккупированной гитлеровцами, легко перешли под нацистские знамена.

Разумеется, новый толчок получило французское фашистское движение, действовавшее еще до оккупации — лига, возглавляемая Марселем Букардом. Изначально она была ближе к муссолиниевскому фашизму, но со временем гитлеровский радикализм оказался соблазнительнее... Лига занималась и борьбой с Сопротивлением (в том числе — методами провокации), и вербовкой добровольцев в СС. Путь Букарда окончился казнью в 1946 г. Французский легион добровольцев, сражавшийся на Восточном фронте, вошел в состав вермахта как 638-й пехотный полк. Полк понес большие потери в Битве под Москвой, и после этого его, как правило, использовали в карательных операциях против партизан.

Самым известным подразделением французских нацистов, сражавшихся против Красной армии, стала 33-я гренадерская бригада СС (затем дивизия) «Шарлемань», образованная в 1944 г. Их было сравнительно немного — менее 7,5 тысячи. Но они участвовали и в боях против Красной армии и польских патриотов в Польше, и в обороне Берлина. Да, это были фанатики, защищавшие цитадель нацизма даже в дни, когда вряд ли можно было сомневаться в обреченности Третьего Рейха.

После победы над пособниками немцев французы расправились жестоко — в особенности над полицейскими и тайными филерами: «По всей стране сколачивались вооруженные банды, которые творили самосуд. По ночам бывших агентов гестапо тысячами вешали вниз головой на фонарных столбах», — пишет французский журналист Филипп Ланье. Но в 1953 г., ради сохранения единства нации, Де Голль был вынужден объявить амнистию для коллаборационистов. По закону им запрещено упоминать об их сотрудничестве с оккупантами. Такие меры красноречиво свидетельствуют о размахе коллаборационизма в этой великой державе...

Союзники фюрера

Два легиона СС — Фламандский и Валлонский, — воевавшие против Красной армии, были сформированы в Бельгии. Позже к ним добавились еще две добровольческие дивизии.

Правительство Дании вскоре после 22 июня 1941 г. объявило о присоединении к Антикоминтерновскому пакту. Вскоре датчане сформировали добровольческий комплекс СС, а в 1943-м датские добровольцы стали основой танково-гренадерской дивизии СС «Нордланд».

На Восточном фронте под знаменами Третьего Рейха воевали союзники Германии. 350 тысяч румын, более 230 тысяч итальянцев, более 200 тысяч венгров. Финляндия отправила на фронт 18 дивизий общей численностью в 340 000 человек, 2000 орудий и более 300 самолетов. Бросили на Восточный фронт и хорватскую дивизию. Для участия в военных действиях против СССР была образована добровольческая испанская Голубая дивизия.

Воевали против СССР норвежцы, датчане, голландцы, французы, мобилизованные немцами поляки, чехи и словаки — правда, последним немцы не слишком доверяли. Славяне неохотно воевали за интересы Рейха.

Самый высокий уровень добровольцев, готовых воевать за Третий Рейх, оказался на Западной Украине и в Прибалтике. Желających пополнить соединения СС на этих территориях было в 2-3 раза больше, чем это требовалось. Остальные, непринятые в гитлеровскую «гвардию», пополня-

ли полицейские части. Неудивительно, что только в этих странах и в наше время сохранилась тенденция политического оправдания пособников фашизма, военных преступников — даже на уровне правительств и парламентов. Такая ностальгия по нацизму нехарактерна даже для стран-сателлитов нацистской Германии — Италии, Венгрии, Румынии, тем более — Болгарии.

Кровавый след

На их счету — тяжелый груз военных преступлений. Так, в 1941 г., вместе с передовыми немецкими частями во Львов ворвался батальон «Нахтигаль» (вооруженное подразделение дружин украинских националистов) под командованием Романа Шухевича (ныне прославляемого на Украине в качестве национального героя). В первые же дни каратели из «Нахтигала» расстреляли во Львове более трех тысяч поляков, включая стариков, женщин и известных учёных. Несколько позже они провели несколько зверских погромов, в которых было уничтожено около семи тысяч человек. В основном — евреи, а также русские и украинцы, обвиненные в сотрудничестве с советской властью.

Во время массовых казней евреев и коммунистов в Бабын Яру в Киеве среди 1500 карателей насчитывалось чуть более 300 немцев. Остальные были добровольцами из ОУН (Организация украинских националистов). По оценкам историков, там было расстреляно и замучено 150 тысяч евреев, «виновных» только в своем этническом происхождении.

В историю Великой Отечественной навсегда вписана трагедия Хатыни — белорусской деревни, которая была полностью уничтожена карателями 22 марта 1943 г. Поводом к этому военному преступлению стала борьба белорусских партизан с захватчиками. Деревня была сожжена вместе с жителями. Среди исполнителей преступления — десятки коллаборационистов из батальона «Дирлевангер», в большинстве — уроженцы Украины. В том числе Григорий Васюра, разоблаченный и приговоренный к расстрелу только в 1986 г., Василий Мелешко, которого раскрыли и приговорили к смертной казни в 1975-м. Иван Мельниченко, командир роты штрафбатальона «Дирлевангер», был застрелен при задержании в 1946-м...

Отличились в погромном деле в 1941—45 и латышские полицейские батальона. Достаточно вспомнить «команду Арайса» — латышского нациста Виктораса Арайса. Среди показательных акций, организованных этим палачом — расстрел детей (в большинстве — евреев), содержавшихся в больнице на улице Лудзас. Полицай из команды Арайса занимались и охраной концлагеря Саласпилс. Латышскими карателями было уничтожено не менее 30 тысяч евреев. Не меньшими зверствами отличались и литовские полицейские батальоны, служившие, кроме прочего, и в охране Майданека, проводившие массовые погромы евреев не только в Литве, но и, например, в белорусском Слуцке.

115 тысяч прошло через службу в Латышском добровольческом легионе СС, созданном главным образом, из полицейских батальонов в 1943 г. Они присягнули Третьему Рейху. 90 процентов из них погибли или попали в плен к Красной армии. Это они проводили карательные операции под Псковом, когда было расстреляно 560 человек... При их участии на территории России было сожжено 23 деревни, расстреляно около двух тысяч мирных жителей... Так, 21 января 1944 г., в деревне Глухая латышские эсэсовцы заперли в сарае и расстреляли из пулеметов около 200 человек. Военные преступления они совершали и в Польше. Достаточно вспомнить пытки и сожжения польских пленных в Подгае, когда латышские каратели действовали совместно с немецкими эсэсовцами.

Они же охотно участвовали в казнях советских военнопленных — в том числе женщин и раненых. Такие факты подтверждены на Нюрнбергском процессе.

Их путь — череда военных преступлений. Не менее опасным преступлением является тот факт, что в современной Латвии каждый год 16 марта отмечается День памяти латышского легионера. Ветераны легиона получают льготы от государства. Что это, если не попытка оправдать нацизм?

Нацизм был сломлен физически нашими дедами и прадедами в 1945 г. И, если мы будем помнить уроки Второй мировой войны — его новая редакция не состоится. Но для этого нужно учиться отстаивать свою правду, свой взгляд на историю и находить для этого слова и образы, которые будут понятны во всем мире. Непростая задача. Но махнуть на нее рукой мы не имеем права. **НО**